

Н · С Л А Д К О В

С СЕВЕРА
НА ЮГ

Издательство «МАЛЫШ» · 1988

Н · С Л А Д К О В

С С Е В Е Р А

НА ЮТ

Художник Н. ЧАРУШИН

Издательство
«МАЛЫШ»

Москва. 1988

СОДЕРЖАНИЕ

ВО ЛЬДАХ	9
Птичий базар	10
Полярной ночью	15
Разговоры во льдах	22
Загадочные истории	24
Кто что умеет	27

В ТУНДРЕ	31
Молодой волк	32
Под снегом	38
Разговоры в тундре	42
Загадочные истории	45
Кто что умеет	47

В ЛЕСУ	51
Лисья охота	52
Незванные гости	57
Лесные силачи	58
Гнездо	59
Разговоры в лесу	62
Загадочные истории	65
Кто что умеет	68

В СТЕПИ	73
Что важнее всего	74
На чужих крыльях	79
Скворцы-молодцы	80
Догадливый хомяк	82
Задом наперёд	83
Разговоры в степи	86
Загадочные истории	89
Кто что умеет	91

В ПЕСКАХ	95
Песчанкин дом	96
Черепаха	103
Разговоры в песках	108
Загадочные истории	110
Кто что умеет	113

В ГОРАХ	117
Целебная ванна	118
Под снегом	124
Разговоры в горах	128
Загадочные истории	131
Кто что умеет	133

Мне посчастливилось — мы много лет дружим с Николаем Ивановичем Сладковым. Не раз вместе путешествовали. Даже в африканскую лесостепь — саванну и в индийские джунгли забирались. И всегда у Сладкова наготове фотоаппарат и записная книжка.

Помню, сфотографировал как-то слона и пишет что-то, пишет, торопится. А потом вышла книга, и я в ней читаю: «Выдрыв пучок травы с корнем, слон околачивает землю о бивни или о колено, а уж потом сунет траву в рот. Поэтому бивни у слона грязные. А вот в зоопарке у слона бивни — чистые. В клетках им бивнями делать нечего. Слон-белоручка».

В этой книге слонов нет. В ней — животные нашей Родины. Книга эта не совсем обычная. Она написана так, словно человек поднялся над огромной страной и увидел, из каких больших областей страна состоит. В учебниках географии эти области называются зонами — тундра, лес, пустыня, горы... Тут обитают наши соседи по планете — от крошечной бабочки-голубянки до огромного лохматого зубра. Здесь они прокладывают тропы, выют гнёзда, выводят малышей. И тут же живёт и трудится человек.

Огромна наша страна. Всем хватит места. И нам и зверью.

Чтобы стать хозяином страны и добрым старшим братом всему живому, надо знать про тундру и леса, горы и пустыню — всё, всё.

Когда попадёшь в незнакомый лес или идёшь горным ущельем, лучше иметь проводника, и уж совсем хорошо, если этот проводник — человек наблюдательный, зоркий, умный. С таким проводником как Николай Иванович Сладков — путешествие радость.

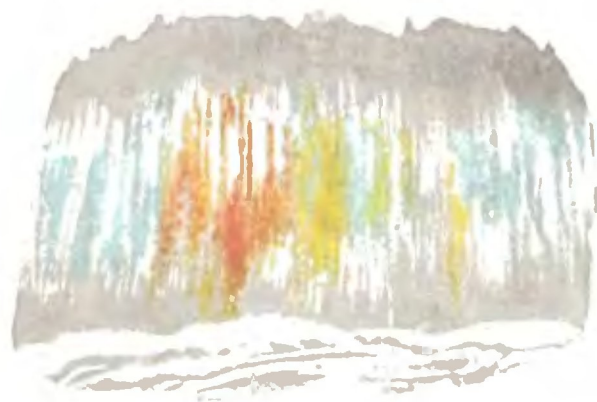
С. Сахарнов

Водопады дождя и света, пролетая сквозь радугу, раскрасили землю в радужные цвета. Тут и льды белой Арктики, и седая тундра, зелёные леса, серебристые степи, жёлтые пустыни и пёстрые горы. И в каждом месте свои птицы и звери живут, и свои у них там дела и заботы, и разные происходят события. Ещё и какие!

ВО ЛЬДАХ

ВО ЛЬДАХ

Снежные и ледяные поля то сверкают в свете полярного дня, то тонут во мраке полярной ночи. Ночи длинной в полгода, чёрной и непроглядной. Лишь качаются и полыхают в небе северные сияния — сполохи: зелёные, красные, синие.

Но наступает конец и долгой полярной ночи. Однажды краешек солнца — одна макушка! — высунется из-за горизонта. Свет его ещё багровый и тусклый — но как все рады солнцу и свету! Начинается праздник солнца, праздник весны. В Арктику пришёл день.

День тут тоже полярный, долгий. Солнце перестаёт заходить, и во всей суровости и красоте открывается глазам страна звонких льдов и пушистых снегов.

И всюду жизнь: видимая и невидимая. Не видны на белом снегу белые песцы и медведи, зато хорошо заметны белые чайки на чёрной воде и чёрные тюлени на белых льдах.

А сколько весной жизни на шумных птичьих базарах! Мелькают крылья, звенят голоса, гудит в серых скалах эхо...

ПТИЧИЙ БАЗАР

Тёмные отвесные скалы у моря, на карнизах рядами птицы, словно белые бусы. Это птичий базар. «Базар» потому, что всегда тут крик, гам, сутолока — как на настоящем базаре. Не могут птицы решить: чьё гнездо лучше? Днём спорят, ночью спорят: благо, летом тут и ночью светло как днём.

— И чего спорите! — взвизгивают чайки-моёвки. — Гнездо — это постройка из травы и стеблей. Вот как у нас. Всем сразу видно, что это гнездо и что оно — самое лучшее. Это даже птице Тупику ясно!

Но Тупик с чайками-моёвками не согласен:

— В том-то, Моёвка, и беда, что гнездо твоё всем сразу видно! Прилетай и разоряй. А моё? Где моё гнездо, я тебя спрашиваю?

— Не знаю и знать не хочу! — кричит Моёвка. — Знаю, что моё лучше!

— Никто про наши гнёзда не знает, — ворчит Тупик. — Потому что они у нас... под землёй! Мы носом норы копаем и там устраиваем гнездо. Да какое! Ветер не дует, дождь не мочит, град не бьёт. И никто его не видит. И потому моё гнездо — самое лучшее. Даже глазастой Сове его не найти.

Сверкнули золотые глаза у белой полярной Совы, с лапы на лапу переступила, пробормотала глухо:

— Всем хорошо твоё гнездо, Тупик, только уж больно скучное. Ничего-то из него не видно, а сколько вокруг интересного! А ты сидишь под землёй, как какой-нибудь лемминг-грызун. И даже в ясный полярный день у тебя в норе непроглядная ночь. Нет, с моим твоё гнездо не сравнить: сижу на вершине холма, любуюсь на все четыре стороны. Совята под боком — мал мала меньше. Они у меня не в один день выводятся. Старшие младших греют. Интересно — и все при деле. И лучшего гнезда вам не найти.

— Подумаешь, птенцы у неё друг друга греют!—прошипела снизу Гага.—У меня само гнездо греет! Слыхали про тёплый гагачий пух? Нащиплю с живота, укрою яички, как пуховым одеялом, и плаваю без забот. Пока досыта не наемся. А яички в гнезде тёплые-тёплые. Вот оно лучшее-то гнездо!

Но никто ни с кем не согласен. Каждый расхваливает своё, других и слушать не хочет. Одна только Кайра ни с кем не спорит.

— Я,—говорит,—со всеми согласна. И с вами, чайки-моёвки, и с вами, тупики, и с гагами, и с совой. У всех у вас гнёзда хорошие. И были бы они самыми лучшими—если бы не моё!

Тут пуще прежнего началось-поднялось—вот базар так базар!

Все напустились на Кайру: пищат, хрипят и визжат.

— У неё и гнезда-то нет, а больше всех похвается!

— Есть у меня гнездо,—отвечает Кайра,—только вам не видно его, оно у меня... ходячее! Не на скале, не в норе, а у меня на лапках!

Приподнялась Кайра, и все

увидели, что яйцо лежит на её широких перепончатых лапках, а сверху она прикрывает их животом. Так птенца и высиживает. И даже может с яйцом по карнизу передвигаться; чуточку влево, чуточку вправо. Сколько надо.

Вот это гнездо — ходячее! Все даже клювы раскрыли от удивления. И чуть уж было не согласились, что Кайра самая расторопная и что лучшее гнездо — у неё. Но вовремя спохватились.

— Может, её гнездо и хорошее, да нам оно не подходит.

— Мне яйцо на моих когтистых лапах не удержать! — клекочет Сова.

— И была бы охота — день-деньской столбом на гнезде торчать, как эта Кайра! — пищат чайки-моёвки.

— А попробуйте на лапки полдюжины яиц уложить! — крикает Гага. — Кайре что, у неё одно!

— И, значит, гнездо её — никудышное, — проворчал толстоносый Тупик. — А наилучшее — моё! И он сунул голову в свою нору.

— Моё, моё, моё! — горланят одни.

— Моё, моё, моё! — захлёбываются другие.

Кричат и кричат — день и ночь. Ну и пусть кричат — на то и птичий базар.

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

Ночь чёрная, позёмка скребёт по льду. Вой, свист, круговерть. А белый медведь свернулся калачиком за торосом, уткнул холодный нос в тёплый мохнатый бок и ждёт, когда утихнет пурга. А как утихнет и заморгают в чёрном небе белые звёзды, встанет медведь, потянется, зевнёт во всю клыкастую пасть и отправится на охоту. За ним его верные спутники—песцы и белые чайки. Всю зиму вместе: куда медведь—туда и они. Знают, что рано ли, поздно ли, а поймает медведь тюленя, тогда и им что-нибудь перепадёт. Самим-то им с тюленем не справиться, вся надежда у них на медведя. Хорошо ещё, что в спячку не лёг, как многие его собратья.

Сияют под луной ледяные поля, искрятся нагромождения торосов. Вода в полынье при свете луны стала ещё черней, и шевелится над ней пар.

Знает медведь, что в незамерзающих полыньях может быть добыча. Шагает вразвалку, покачивает головой на длинной и толстой шее. Ищет носом тёплую струйку живого запаха.

Стоп! Чёрные туши лежат на снегу — тюлени. Если пойти к ним открыто, тюлени — бульк, бульк в полынью! — и как не бывало. Но медведь не простак, у него свои охотничьи хитрости. Но и у тюленей—свои! Они по-тюленьи отдыхают: полминуты спят, полминуты осматриваются. Не верят безмолвию полярной ночи, знают—где-то

бродит медведь. Может, вон за теми торосами притаился!

А сон голову клонит, клонит, глаза закрываются, закрываются. Ткнётся тюлень головой в снег — медведь быстро ползком к нему!

Тюлень голову вверх — медведь голову вниз: замрёт, распластается — не то глыба льда, не то сугроб снега. Тюлень снова голову вниз, а медведь ближе, ближе...

Только тюлень голову положил на снег, глаза закрыл, как «сугроб» ожил и могучим прыжком вперёд!

И не проснуться бы тюленю, не оскользнулся у медведя лапы.

Шаркнули когти по звонкому льду — так осколки и полетели! А тюлень в полыню — только круги пошли.

Вот уж взъярился медведь, рывкнул громовым басом, заметался по кромке льда.

Спутники-проводящие больше его расстроились: песцы скулят, чайки кричат. Оставил их медведь без обеда.

Но сердись не сердись, а тюлень на льдину теперь не вылезет. Другого надо искать.

Поплёлся медведь враскачку вдоль полыни: за ним песцы потрусили, за песцами перелетают чайки. Бредёт медведь и слышит: вздыхает кто-то в чёрной воде. Звери большие плывут, похожие на тюленей, только ещё больше, и у каждого на носу — длинный бивень. Единороги-нарвалы!

У одного на спине детёныш лежит, лапами держится. Медведь пригнулся, прицелился, но нарвалы ушли в глубину. Облизнулся медведь, а приживальщики затаивали и закричали.

Жутко посветили из глубины два зелёных глаза, как две ледышки. Это акула, полярная хищница. Прошли

полярные дельфины — белухи.

Вспугнули белухи стайку зимующих чистиков.

Удивительные пичуги: все птицы на зиму на юг летят, а эти — на север!

Живут в полыньях среди льдов: не под жарким солнцем, а под заиндевелой лунной.

А весной летят с холодных зимовок... на юг!

Льдина качается в полынье, на ней, как на плоту, нерпы спят.

Медведь на дыбы, чтоб лучше видеть, носом потянул — принюхивается. Потом в воду сполз, окунулся и поплыл под водой к нерпе.

Выглянет одним глазом — близко ли льдина, спит ли нерпа? — и дальше. Из чёрной воды один чёрный нос виден — попробуйка, разгляди его.

Нерпа голову подняла — нет вблизи никого. И снова голову опустила. Тут медведь навалился на льдину, встала льдина торчком — нерпа прямо медведю в лапы скатилась.

Что тут началось!

Не понять, кто больше рад: медведь или приживальщики. Чайки кричат, машут крыльями, песцы визжат и грызутся. Но близко пока не подходят, ждут своей очереди.

Сытый медведь за торос завалился, снова уткнул нос в мохнатый бок.

Сытые песцы в снег зарылись, чайки на льду уснули, стоя на одной ноге. Время от времени ногу меняют, боятся отморозить.

А метель опять за своё: смахнула с неба луну и звёзды, взметнула снег, погнала его между торосами, все следы замела.

РАЗГОВОРЫ ВО ЛЬДАХ

ЧАЙКА И САЙКА

— Ну что ты, рыбка Сайка, плачешь, горькие слёзы льёшь?

— Уж так нас все любят, Чайка, прямо хоть плачь! Вы, чайки, на завтрак любите, тюлени—на обед. А киты нас так обожают, что с утра до вечера целыми косяками заглатывают.

НАРВАЛ И КИТ

— Ух, Кит, да ты и вправду чудо-юдо! У тебя даже усы во рту растут!

— А ты, Нарвал, тогда юдо-чудо! У тебя зуб на носу вырос!

ТУПИК И МОРЖ

— Посмотришь на тебя, Морж, и от страха перья дыбом! Бивни твои—что кинжалы. Что же ты этими разбойничьими клыками делаешь?

— Да то же, Тупик, что и ты своим клювищем-топором—землю рою. Только ты на суше, а я под водой. Ракушки со дна выкапываю. Это я на вид только такой свирепый.

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

КРАСНЫЙ СНЕГ

Высадились на остров полярники и ахнули: у скал лежал... красный снег! Песец протрусил — за ним красная строчка следов, куропатки пробежали — красными крестиками наследили.

Слепили снежок из снега — розовый! Скатились на лыжах с горки — позади полосы красные. Хоть глазам не верь!

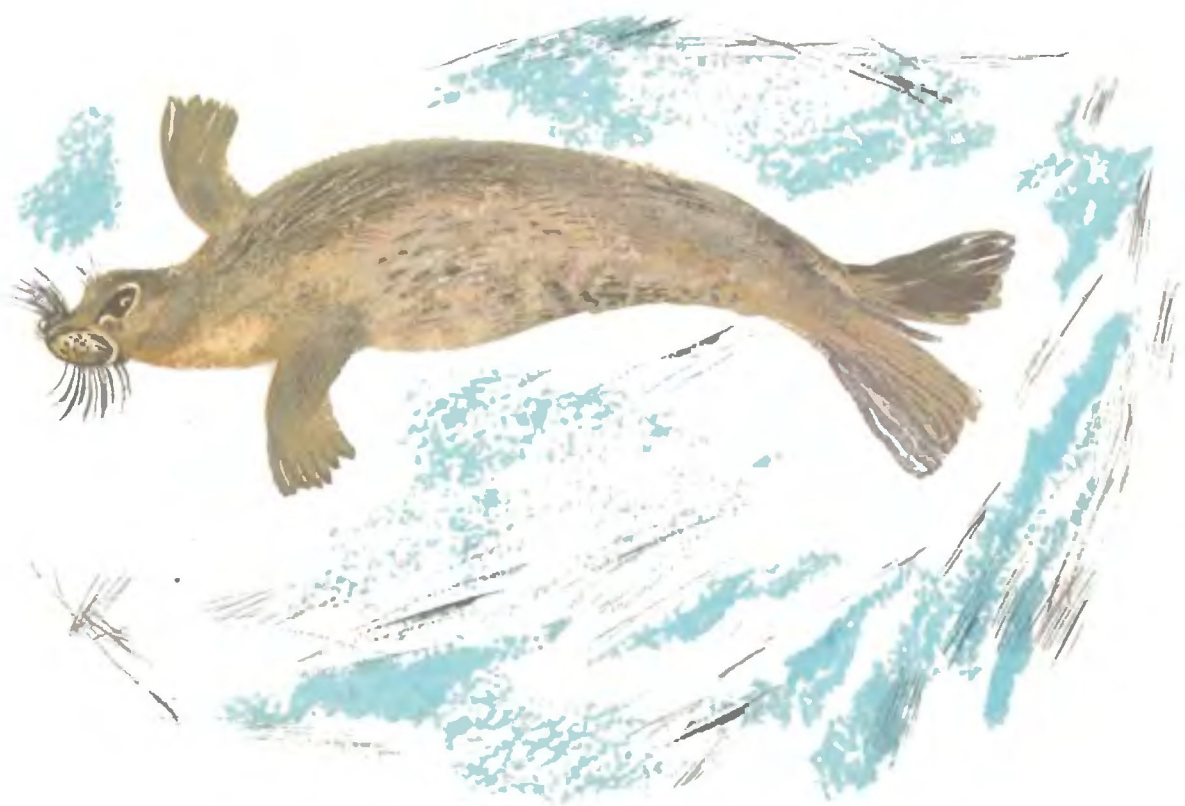
(Отгадка)

Но глазам верить надо. Красным снег стал потому, что разрослась в нём от весеннего тепла и солнца особая красная водоросль. И снег... зацвёл! Только-то и всего.

ВОТ ТАК ЗАЯЦ!

Живёт во льдах диковинный заяц: не беленький и не серенький, не бегают и не прыгает! Уши у него маленькие, задние ноги короткие, и любит заяц не свежую травку, а... свежую рыбку. Вот так заяц!

(Отгадка)

Это тюлень такой — морской заяц. Почему его зайцем называли — никто не знает. Наверное, за усы длинные и выпученные глаза. Ничего другого заячьего у него и нет. И весом он в сто раз тяжелее любого зайца.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Белый медведь может проплыть по морю без отдыха много-много километров.

Тюленята с рождения лежат на голом льду — и хоть бы что! Ещё и здоровее становятся: за месяц вдвое вырастут и впятеро потяжелеют.

Маленькие **полярные крачки** смело бросаются у гнёзд на самого большого медведя: громко кричат, щиплют его за хвост и треплют за уши.

Единорог-нарвал может продолбить своим бивнем даже крепкий лёд. За ним всё стадо по очереди дышит через пробоину.

Кит, бывает, проламывает спиной лёд, высунется и дышит.

Песцы приспособились хранить в вечной мерзлоте свои запасы. Складывают в норы, как в холодильник, рыбу, леммингов, птиц и яйца.

Поморник у любой птицы отнимет рыбу. Гоняется и набрасывается, пока птица не бросит рыбку,— и он подхватит её на лету! За это прозвали поморника Фомкой-разбойником.

Киты **белухи** умеют щебетать, щёлкать, клекотать, стрекотать и свистеть по-птичьи. За это прозвали их «морскими канарейками».

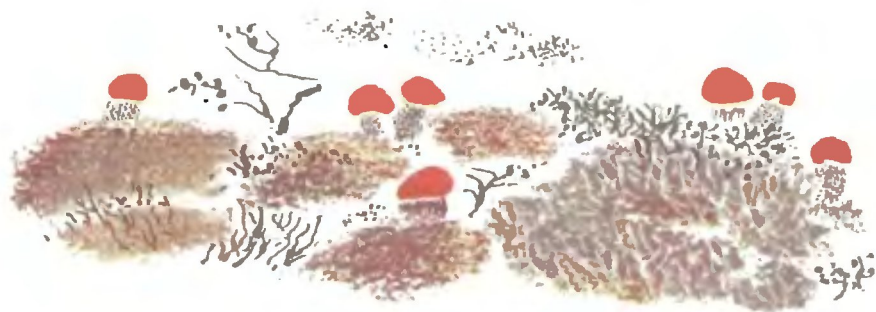
Морж легко выбирается из воды на самую скользкую льдину: втыкает с размаху бивни в лёд и подтягивается.

В ТУНДРЕ

В ТУНДРЕ

Весь год тундра тусклая, однообразная: зимой белая, весной и осенью серая, седая. И только летом тундра преобразается: покачиваются цветы—синие, жёлтые, белые; перелетают птицы—белые, чёрные, пёстрые. И голубеет небо над позеленевшей равниной.

Дали ясные, чистые. Ветер цветами пахнет. Над цветами басом гудят шмели, а над головой воют тучи комаров...

Куда ни посмотри—только мох, кочки, лужи. Можно увидеть и деревья—высотой по колено и толщиной с карандаш. В таком «лесу» грибы на кочках поднимаются выше вершин деревьев—карликовых ив и берёз.

В тундре летом семь погод на день: сеет, веет, дует, студит, мочит, греет, сушит. Приползёт туча, и накроет тундру холодная тень. Вторая—дождиком смочит. Третья иссечёт ледяной крупой, а бывает, и снегом присыплет. То нахлынет с моря туман, то ветер туман разгонит. И снова чистые дали и яркое солнце. Но из-за увалов уже новая туча подкрадывается...

Зима в тундре—это долгие ледяные сумерки. Улетели перелётные птицы, спрятались звери. Но и зимой жизнь в тундре не замирает. Она везде: на земле и под землёй, на снегу и под снегом.

МОЛОДОЙ ВОЛК

Отбился молодой Волк от стаи, трусит один по снежной равнине, по сторонам глядит.

— Аууу! Где вы все? Сквозь снег провалились, что ли?

Вокруг пусто, и в животе пусто. Лизнул снег — безвкусный, холодный. Что делать?

— Дальше надо бежать! Мама-волчица учила, что нас, волков, ноги кормят.

И побежал. А там, где только что Волк стоял, высулась из-под снега Белая Куропатка.

— Вот и пусть тебя ноги кормят, а не мы, куропатки! Как только моё птичье сердце не разорвалось! Вдруг догадается, что я в снег зарылась, вдруг учует? Стоит над головой и ворчит: «Сквозь снег все провалились, что ли?» Хорошо, не догадался, что так и есть! Спасибо сильным лапкам моим с крепкими коготками, всегда из беды выручают.

Тут из-под снега выскочил Горноста́й, злой и голодный.

— Не всегда, Куропаточка, не всегда! Я тебя и под снегом поймаю, останутся от тебя одни твои хваленые лапки.

Кинулся Горноста́й на Куропатку — белые пёрышки полетели. Но не повезло ему в этот раз, вырвалась Куропатка.

— Фу, фу, фу! Полный рот перьев, словно пуховую подушку схватил! В другой раз не стану в разговоры вступать, а прямо под снегом и придушу. А теперь вперёд! То есть вниз...

И Горноста́й нырнул в снег, словно в воду.

Волк услышал шум и вернулся. Запыхался, глаза горят.

— А? Что? Кто тут шумел? Никого... Но вот следы, пёрышки на снегу — был же кто-то! Как отвернусь —

показываются, убегу — вылезают. А вернусь — нет никого!

Попыхтел ещё носом, позыркал по сторонам глазами — и потрусил в белую мглу. И не заметил, что рядом за кочкой Заяц лежит. От страха ни жив ни мёртв. Уши прижал и глаза закрыл. Неподвижный, как снеговая кочка.

— Сердце моё заячье в заднюю ногу ушло! Рядом совсем Волк стоит и ворчит: «Никого, никого...» Спасибо белой шубке моей невидимке — выручила! Спасла меня от хищных глаз.

А из-под снега опять Горноста́й, ещё голоднее и злее, чем был.

— Попался, Заяц-беляк! Ты, белый, и я белый. Ты меня на снегу не увидел, а я тебя разглядел.

Да как кинется Зайцу прямо на спину! Взвился Заяц белым вихрем, сбросил с себя Горноста́я и так поскакал, что задние ноги передние обогнали. А Горноста́й отплёвывается:

— Фу ты, гадость какая! То перья во рту, то шерсть! С моей-то прытью и до сих пор без обеда. Не бывать тому!

И снова в снег головой.

А Волк опять голоса услышал и мчится назад, разинув пасть.

— А? Что? Где? Кто шумел? Опять никого... Только шерсти клок. Да что же это такое? Я там — все тут, я тут — все где-то там! А где? Справа никого, слева никого, сзади никого. А впереди? А впереди Ворон каркает. И мне, что ли, завывать?

А Ворон в это время сидел на кочке и каркал на все лады: «Карр-карр! Корр-корр! Курр-курр!»

Покричит — помолчит. Помолчит — покричит. А сам всё по сторонам оглядывается. Что-то высматривает.

Неподалёку от Ворона Олень пасётся. Слушал Олень Ворона, слушал, не вытерпел и спрашивает:

— И чего ты, Ворон, кричишь без толку? Вон Чечётка серёжки берёзовые шелушит — понятно. Я снег копычу, ягель-мох достаю. Вкусно! А от твоего карканья никакого толку — ни тебе, ни другим. Горло только застудишь.

Ворон хитро так посмотрел на Оленя и опять за своё: «Карр, карр!»

Подлетела к Оленю Чечётка:

— Че-че-чего-то, Олень, тут не так—остерегись! Слышал примету: «Ворон каркает—беду накаркает»? Неспроста такая примета.

— Глупое суеверие,—отвечает Олень.—Как это можно беду накаркать?

— Смотри, Олень, хорошо смотри... Ворон понапрасну не каркает.

И улетела. А Олень задолбил копытом, дорылся до ягеля и захрустел. И не слышит за хрустом, как волчьи лапы по снегу шуршат. Ближе, ближе. Волк молодой на Воронов крик бежит. Остались бы от Оленя рожки да ножки, если бы не Чечётка. Защебетала, заволновалась, запрыгала с ветки на ветку. Олень поднял голову, а рядом—Волк! Хорошо ещё, что молодой, неопытный. Ткнул его Олень рогами и убежал.

Старый Ворон корит молодого Волка:

— Куропатка была под лапами—улетела. Заяц рядом за кочкой лежал—убежал. И Оленя ты упустил. Сто лет на свете живу, а такого растяпу не видел!

Волк и сам убивается:

— Бедный я и голодный, это ты, Ворон, беду на меня накликал!

— И этого ты не понял! На Оленя я тебя наводил. Это мой способ охоты, увижу оленей и каркаю, чтоб все волки в округе знали. Они-то меня понимают, сразу на крик бегут. Глядишь, и мне что-то перепадёт. А с тобой и верно—только горло простудишь, чтоб ты в снегу увяз!..

— Уууууу!—взвыл голодный Волк.

Ворон Волку в ответ:

— В тундре ноги одни не прокормят, даже волчьи. Надо ещё и голову, которая соображает.

Тут уж Волк совсем приуныл: куда податься? Влево и вправо бегал, вперёд и назад бегал—а что толку? Подамся-ка я куда глаза глядят! И Ворон за ним—вдруг Волк всё-таки кого-нибудь да поймает?

ПОД СНЕГОМ

Кто под землёй живёт, кто в воде, а лемминг зимой—под снегом. Всю зиму неба не видит, тундры не видит. Да и что под снегом увидишь, разве что у самого носа. Вот он носом и узнаёт—где какая растёт трава.

Скучно, наверное, под снегом жить. Но что ему зимой наверху делать? Еды нет, а вот песцу на зуб или в когти сове угодить можешь. Холод, темень, метель. А под снегом—как под пуховым одеялом.

Правда, чтобы поест, надо сперва прокопать подснежные ходы. А снег в тундре плотный, крепкий. Зато пока копаешь—согреешься. К тому же к зиме у лемминга вырастают крепкие длинные когти—очень удобно ими копать.

Докопаешься до кочки—а там сочные стебельки, зелёные почки, витаминные листики, питательные семена и ягоды. Всё свежее—как из холодильника.

От такого питания становятся лемминги сытыми, гладкими и весёлыми. И это в зимнюю стужу и бескормицу, когда все в тундре тощат от холода и голода.

Строят лемминги под снегом гнездо и выводят в гнезде детёнышей. Гнездо мягкое, тёплое, большое,

круглое, очень уютное. Вверху позёмка скребёт, ветер свищет, от мороза птицы на лету замерзают, а под снегом в гнезде тишина и покой. Спят лемминжата в обнимку, уткнув носы в тёплый мамин живот.

Никаких бед бы не было, если бы не горностай-проныра! Большие песцы не так страшны, как этот пролаза. Песец сквозь снег не всегда и учует, а если и начнёт копать, так спастись время есть. А этот шасть в подснежную нору — и по ходам-отноркам! Быстрый, тонкий, гибкий, злой и зубастый. По лемминговым ходам быстрее хозяина мчит-ся. Одна надежда — запутать его в ходах-переходах, но тут уж как повезёт: когда так, а когда и этак...

Как было бы хорошо, если бы не было горностая! Спал бы без забот под завывание вьюги. А так не спится. Тсс! Кажется, кто-то крадётся? Или слышалось? Нет, лезет кто-то по ходу. Может, сосед лемминг, а может, и горностай!

Нигде спокойно не проживёшь: даже в тундре, даже зимой. Даже под снегом!

Нелёгкая у зверюшек жизнь, беспокойная...

РАЗГОВОРЫ В ТУНДРЕ

ПУНОЧКА И ВОРОН

— Скажи, Ворон, мудрая птица, чего это Кулик над болотом кричит?

— «Каждый кулик своё болото хвалит!»

— А Горностай чего с утра до вечера рыщет?

— «Голод не тётка!»

— А Чайки поморника от гнезда отгоняют?

— «На чужой каравай рот не разевай!»

— А Песец то куропаток гоняет, то сам от Совы удирает?

— «Не всё коту масленица!»

— До чего же ты мудрый, Ворон, всё-то ты в тундре знаешь!

— «Век живи — век учись», Пуночка. Вот я сто лет в тундре прожил и научился!

КУРОПАТКА И ОЛЕНЬ

- Смотрю на тебя, Олень, и думаю.
- И о чём?
- Поскорей бы, думаю, ты до земли дорылся.
- А потом?
- А потом поскорей бы ушёл.
- А зачем?
- А чтобы успеть до заката на твоих копанках поклевать. В снег зарыться и проспать до утра.
- А утром?
- А утром всё сначала! Опять буду на тебя смотреть и думать.

ПЕСЕЦ И СОВА

— Не пойму, Сова, все в тундре прячутся, маскируются, одна ты на виду сидишь—так всем в глаза и бросаешься! А тебя почему-то никто не трогает?

— Так ты же, Песец, сам себе и ответил! Потому и не трогают, что я сразу в глаза бросаюсь. Как увижу кого, когти выставлю и бросаюсь. Чтоб и близко не подходили!

ЗАЯЦ И ЛЕММИНГ

— Вот бы, Лемминг, и мне таким же красивым стать, как и ты! Сытым, гладким, упитанным.

— Режим, Заяц, строгий режим! Час непрерывно ешь, два часа беспробудно спишь. И так с утра до вечера, каждый день, круглый год.

— О-хо-хо, Лемминг, тогда мне никогда красавчиком не бывать! У меня, брат, другой режим: час сам непрерывно бегаю, два часа меня другие гоняют. С утра до вечера, ежедневно и круглый год!..

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

БЛАГОРОДНЫЙ СОКОЛ

Живёт в тундре хищный сокол-сапсан. Птицы его так боятся, что с лёту к земле прижимаются или ныряют в воду. А которая не успеет, ту сокол на лету собьёт, пустит по ветру пёрышки. И вдруг этот грозный сокол и беззащитный гусь-казарка мирно рядом сидят: казарка сокола не боится, а сокол не нападает!словно друг друга не замечают.

(Отгадка)

Казарка сидит на своём гнезде, а сокол — на своём. И хорошо друг друга видят. Но у своего гнезда сокол не только не трогает никого, а ещё и от других хищников защищает: прогоняет сов, песцов и поморников. Казарки, утки и кулики хорошо это знают и нарочно гнездятся рядом с соколом. Не за это ли сокола и называют «благородным»?

КАПРИЗНАЯ РЕЧКА

Девять капризов у речки в день!

То вода в речке пресная, то солёная, то она в одну сторону течёт, то в другую.

А то на одном месте стоит, как в озере.

То речка глубокая — на коне не переедешь, то мелкая — курица вброд перейдёт.

И рыба в ней то морская, то пресноводная. Маленькая речушка, а норовистая!

(Отгадка)

При впадении в море все речушки тут такие капризные.

Отлив в море — вода в речке пресная, и рыба в ней плещется пресноводная. А в прилив поворачивает речка вспять от хлынувшей в неё морской воды. И входит в речку морская рыба. И уж не курице через неё вброд идти, а только на лодке плыть.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Заспорили обитатели тундры: кто удалее всех? Чёрная рыбка Даллия говорит:

— Я самая выносливая! Кто из вас десять месяцев без просыпа проспит, да ещё вмёрзши в лёд? А я сплю и даже снов не вижу.

— Зато я вижу всё! — проклекотала Белая Сова. — Всем совам положено по ночам охотиться, а я и днём на охоту летаю. Я днём и ночью хорошо вижу — у кого ещё такие глаза?

— А видела ты своими глазами хвалёными, как я танцую? — подскочил кулик Турухтан. — Прыжки, повороты, поклоны, выпады?

— Мне бы твои заботы! — печально просвистел куличок Плавунчик. — За меня танцует моя куличиха, а я за неё сперва яички высиживаю, а потом куличат выхаживаю. Прямо не жизнь, а карусель какая-то получается. Одно утешение, что никто из вас так не может.

И Плавунчик закружил-

ся в луже, как волчок. Это он так водяных жуков ловит: взмутит воду, закружит жучишек в водоворот и хватает потом, как с блюдечка.

— Ты, Плавунчик, самый заботливый папа в тундре,—простонала Гагара.—Не то что мой — Гагар, Гагун или Гагарыч, что ли? Не очень-то любит на гнезде сидеть, всё больше купается да ныряет. Всё я да я. А мы, гагары, ходить не умеем, на животе по земле ползаем. Так я от гнезда к воде целую тропку уже напознала, животом протоптала. Кто из вас на такое способен?

Долго бы ещё спорили и препирались, да вспомнили про дела. Кто к птенцам, кто к гнезду, кто на охоту. Один Турухтан беззаботный вскочил на кочку, воротник перяной распушил и давай плясать: приседать, кланяться и подскакивать. Но любоваться на него уже было некому.

В ЛЕСУ

В ЛЕСУ

Весёлая кутерьма зелёных листьев, золотых солнечных зайчиков, пёстрых птиц. Шелесты, шорохи, шёпоты. Щебет, посвисты, вскрики. Стройные стволы высоких деревьев и путаница кустов, буйство ветра в вершинах и застойный сумрак и тишина в подлеске.

Лесная извилистая тропинка уводит в чащу, что ни поворот, то и встреча. На пне пёстрый рябчик сидит. На ёлке белка шишку зубрит, на муравейнике роется зелёный дятел, на валежине жук-дровосек усами поводит.

Скрипит где-то старое дерево, качается задетая кем-то ветка, распрямляется примятая кем-то трава. Вмятина на земле от когтистой лапы, борозды на коре от острых зубов, потерянное перо. На каждом шагу лес загадывает загадки, а ты идёшь и стараешься их разгадать.

ЛИСЬЯ ОХОТА

Вылезла голодная Лиса из норы, осмотрелась, принюхалась и прошептала себе под нос:

— Кто как, а уж я-то голодная не останусь. Нос у меня чуткий, глаза мои зоркие, ноги быстрые. Берегитесь, зайцы и тетерева!

Но и шагу от норы не сделала, как появилась Сорока и закричала на весь тёмный лес:

— Берегитесь—тра-та-та-та! Лиса на охоту вышла!

Лисица сморщила нос, глаза на Сороку скосила и прошипела сквозь зубы:

— Тише, Сорока, чего шумишь? Я же тебя не трогаю.

— А кто сорочонка моего утащил? Не успел из гнезда выскочить, как ты тут как тут! Да я за это от тебя и на шаг не отстану! Останешься без обеда.

Взлетела на маковку ёлки и давай орать:

— Тра-та-та-та! Бегите, спасайтесь, прячьтесь. Лиса на охоту вышла!

Услышал Сороку Заяц, запрядал ушами.

— Никак Сорока кричит? Так и есть! Не иначе Лису увидела.

— Бегите!—приказали уши ногам.

И ноги понесли Зайца через пеньки и кочки.

И Белка слышит Сороку, стрекочет:

— Сорока попусту не кричит! Скорее с земли на высокое дерево! Цок-цок-цок!

Мыши и те всполошились:

— Сорока трещит, белка стрекочет—неспроста! Пи-пи-пи,—и провалились в норки.

Лисица с досады зубами клацнула, крутнулась и шипит сквозь клыки:

— Как бы мне от этой Сороки избавиться—всех в лесу распугала. Может, проведать болото? Сороки открытых мест не любят.

Пригнулась, уши прижала и кинулась на болото. А Сорока глазастая кричит вдогонку:

— Ау, болотные, не зевайте! Незваного гостя встречайте.

Первым увидел Лису на болоте длинноносый Кроншнеп, вот уж у кого голосок звонкий:

— Лиса, Лиса! Куда она — туда и я! За мной следите — Лису увидите!

И перелетает за Лисой с кочки на кочку, и кричит, кричит — эхо в лесу отзывается.

Лисица остановилась, прищурилась, белые зубы оскалила.

На крики Кроншнепа уже спешат чибисы, кулики-черныши, улиты: от воплей их уж не звенит в ушах, а гудит!

— Уйду, уйду, — ворчит Лиса. — Только угомонитесь...

И, свеся язык, потрусила к опушке. Теперь, думает, одна надежда на озеро. Свалюсь озёрным как дождь на голову — и крылышком взмахнуть не успеют.

Да напрямик к озеру через лесок.

Никто Лису не ждёт на озере. У берега утки полощутся,

чайки на берегу на одной ножке дремлют, водяная крыса корешок зубрит. Да все такие упитанные, не знаешь, с кого и начать.

Пока Лиса раздумывала да гадала, прилетела Сорока: — Тревога, тревога! Лисица рядом! Тра-та-та!

Утки на воду, крыса под воду, чайки — в воздух!

Лисица поднялась из осоки, села столбиком, проскулила:

— Поесть не дадут спокойно. Ну, Сорока, припомню я тебе твой длинный язык!

— Не дадим, не дадим! — кричит Сорока. — Ни в лесу, ни на болоте, ни на озере. Везде увижу, всех всполошу!

Забралась голодная Лиса в нору. Лежит и думает:

«Высунусь — крик поднимет, не высунусь — околею с голоду».

Думала-думала — и придумала!

«Днём мне носа не высунуть, а если ночью? Кто меня ночью увидит? Лисицу вздумали обмануть. Вот вылезу из норы тёмной ночью, посмотрим тогда, кто кого?

...Вот почему лисицы любят охотиться по ночам. Уж больно хлопотна для них дневная охота.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Пробил дятел в кленовой коре дырочку — напился сладкого сока.

За дятлом долгохвостая синица прилетела — тоже носик помочила.

За долгохвостой — лазоревка: три капельки проглотила.

Улетели птицы — насекомьи собрались.

Мухи прилетели, две бабочки-крапивницы, траурница-красавица.

Все сладкий сок сосут, улетать не торопятся.

Муравьишка приполз — усами шевелит.

Комар прилетел — долгими ногами в патоке увяз. Может, и ещё кто-нибудь притащился бы, да тут опять дятел — порх.

Гости незваные — кто куда!

Муравей замешкался — дятлу на язык прилип.

А улетел дятел — гости опять тут как тут.

За долгохвостой синицей — лазоревка. За лазоревкой — мухи и бабочки. За бабочками — комарик. За комаром — муравей.

ЛЕСНЫЕ СИЛАЧИ

Ударил первая капля дождя, начались соревнования. Соревновались трое: гриб подосиновик, гриб подберёзовик и гриб моховик.

Первым выжимал вес подберёзовик, он поднял жёлтый листик берёзы и улитку.

Подосиновик выжал три листика осины, сосновую шишку и маленького лягушонка.

Моховик был третьим. Он раззадорился, расхвастался. Раздвинул шляпкой мох, подлез под сучок и стал выжимать. Жал-жал, жал-жал—не выжал. Только шляпку свою жёлтую раздвоил. Как заячья губа стала.

Победителем вышел подосиновик.

Награда ему—алая майка чемпиона.

ГНЕЗДО

Дрозд в развилку берёзы положил первый пучок сухой травы. Положил, расправил клювом и задумался. Вот он миг, когда всё позади и всё впереди. Позади зимовка в чужих южных лесах, тяжёлый далёкий перелёт. Впереди гнездо, птенцы, труды и тревоги.

Что ни день, то выше гнездо и шире. Однажды дроздиха села в него и осталась сидеть. Она вся утонула в гнезде, снаружи торчали нос да хвост.

Но дроздиха видела и слышала всё.

Тянулись по голубому небу белые облака, а по зелёной земле ползли их тёмные тени. Прошагал на ногах-ходулях лось. Неуклюже проковылял ещё линючий заяц. Пеночка-весничка, пушистая, как вербный барашек, поёт и поёт про весну.

Берёза баюкает птичий дом. И на страже его — хвост и нос, как два часовых. Раз торчат — значит, всё хорошо. Значит, спокойно в лесу.

РАЗГОВОРЫ В ЛЕСУ

ВОРОБЕЙ И СИНИЦА

- Угадай, Синица, какое оружие самое страшное?
- Знаю, знаю — ружьё!
- Не угадала!
- Знаю, знаю — пушка!
- Снова не угадала!
- Знаю, знаю... Не знаю!
- Рогатка! Из пушки-то по воробьям стрелять не станут, а из рогатки — только успевай отскакивать! Уж я-то знаю, я-то стреляный воробей!

СОРОКА И ВОЛК

- Эй, Волк, чего ты хмурый такой?
- От голода.
- И рёбра торчат-выпирают.
- От голода.
- И воешь тоскливо.
- От голода.
- Вот и поговори с тобой! Заладил одно: от голода да от голода! Чего это ты такой неразговорчивый?
- От голода...

БАРСУК И МЕДВЕДЬ

— Что, Медведь, спишь ещё?

— Сплю, Барсук, сплю. Пятый месяц без просыпу.
Все бока отлежал!

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора, не пора — спи ещё!

— А не проспим мы с тобой весну-то?

— Она нас сама разбудит.

— А что она — постучит, растолкает или песенку
нам споёт?

— Весна знает, как нас поднять. Она как даст ведро
воды под бока — небось сразу вскочишь, не залежишь-
ся! Спи уж, пока сухой...

ЛИСА И ЁЖ

- Всем ты, Ёж, хорош и пригож, да вот колючки тебе не к лицу!
- А что, Лиса, я с колючками некрасивый, что ли?
- Да не то, чтобы некрасивый...
- Может, я с колючками неуклюжий?
- Да не то, чтобы неуклюжий...
- Так какой же я такой, с колючками-то?
- Да какой-то ты с ними, брат, несъедобный!..

КТО КАК СПИТ

- Ты, Заяц, как спишь?
- Как и положено, лёжа.
- А ты, Косач, как?
- А я сидя.
- А ты, Серая Цапля?
- А я стоя.
- Выходит, друзья, что я, Летучая Мышь, ловчее всех вас сплю, удобнее всех отдыхаю!
- А как ты, Летучая Мышь, спишь-отдыхаешь?
- Да вниз головой...

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

ЖУРАВЛИНЫЙ ХВОСТ

Даже издали видно, какой у журавля большой и пышный хвост. Степенно вышагивает журавль, а роскошный хвост его колышется и шелковисто поблёскивает. Но вот журавль испугался, побежал, распахнул широкие крылья, взлетел, и... хвост исчез! Вместо пышного и большого хвоста торчал неказистый хвостик. Что случилось?

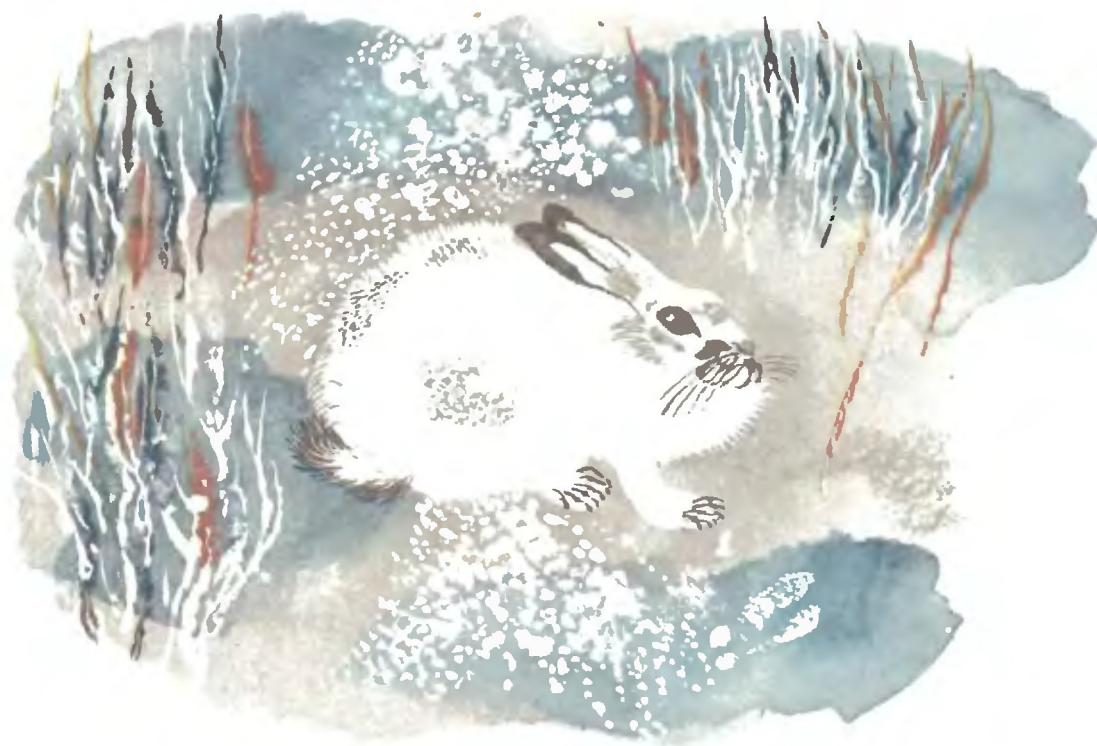

(Отгадка)

Случилось то, что и должно было случиться: мы увидели в полёте настоящий хвост журавля, а он у журавля маленький! А то, что мы принимаем за хвост — совсем не хвост, а длинные перья с боков спины. На земле они складываются пышным султаном и прикрывают настоящий хвост. А он у журавля совсем не такой красивый, как ложный. Но зато настоящий...

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Птица зеленушка — зелёная, у славки-черноголовки и вправду головка чёрная. И, стало быть, зайцу-беляку положено белым быть. А он не белый! Сколько раз ребята зайцев в лесу встречали — все как один бурые. Во все не зайцы-беляки, а зайцы-буряки. И неизвестно, почему так получается?

(Отгадка)

Известно почему: потому что в лесу ребята бывают чаще летом. А летом зайцы и в самом деле бурые. Другое дело зимой! Зимой заяц, как снежный ком, не сразу его на снегу и увидишь. Настоящий заяц-беляк! Хотите увидеть такого зайца — отправляйтесь в лес зимой. Может, и повезёт.

ЛЕСНАЯ ХАТКА

Кто-то построил из брёвен хатку на берегу, щели, как и положено, мхом заткнул, глиной замазал. Хороша получилась хатка, только без окон и без дверей. Любопытно, кто в такой странной хате живёт?

(Отгадка)

Строили лесную хатку дровосеки-бобры. «Рубили» деревья зубами, зубами же «распиливали» на брёвнышки. Сучья и брёвна в кучу складывали, щели конопатили и замазывали, чтобы не продувало зимой, не морозило. А что в хате ни окон и ни дверей, так они и не нужны бобрам. Была бы дыра в полу: бултых в подполье-подводье — и на дне. А там с осени припасены сочные сучки и ветки — грызи на выбор.

КТО ЧТО УМЕЕТ

— Видели?! — крикнул Седоголовый Дятел. И высунул язык, длиною в половину тела.—Муравьи на мой язык — как мухи на липкую ленту липнут. Дюжинами глотаю!

— Если Дятлу не стыдно язык показывать, так я вам свой кривой нос покажу! — клекотнул Клёст.— Он у меня хоть и кривой, но сноровистый. Уж так удобно им чешуйки на шишках отгибать и семена доставать.

— А чего их отгибать! — крикнул Дятел. — Отшибать их надо! Втисну шишку в щель да как начну стучать—так чешуйки и полетят. Да что чешуйки! А дупло носом выдолбить можете? Или дырочек на берёзе набить, чтобы сладкий сок сочился? Или на сучке носом, как на барабане, сыграть?

— Чешуйки, барабаны, дупла... А вишнёвые или сливовые косточки ты носом своим расколоть сможешь? — прищурился Дубонос.— А я их щёлкаю, слов-

но семечки! Только скорлупки выплёвываю.—И Дубонос громко хрустнул косточкой.

— Вот уж носы свои позадрали!—цыкнул Оляпка — водяной воробей.— А кто из вас, носатых, в воду на дно нырнёт да сухим из воды выйдет?

И Оляпка у всех на глазах смело плюхнулся в речку, и видно было, как он по дну бежал, выхватывая из-под камешков водяных жуков. И выскочил на бережок сухенький, даже и не встряхнулся!

— Хоть самый длинный нос у меня,— прохрипел Вальдшнеп — лесной кулик, — но я не стану его вам в глаза совать. Я и без носа всех вас с носом оставлю!

Подошёл не спеша к своему пуховому птенцу, зажал его между лапками и... улетел! Тут все клювы свои разинули, такого никто не мог!

— А я умею летать без крыльев!—высунулась из дупла Летяга. Прыгнула и... полетела! А ведь не птица она, а зверёк. И крыльев у

неё, как у летучей мыши, нет. Скользит по воздуху, как стрелка бумажная.

Ну чем после этого удивишь?

А хвастунишкам неймётся.

Чомга хвалится, что умеет птенцов на спине возить.

Белка грибы на зиму сушит.

Клесты зимой птенцов выводят.

Сорокопут накалывает на колючки кузнечиков, жуков и стрекоз про запас.

Свистят, пищат и стрекочут.

Даже Кукушка не утерпела, похвастала, что яички свои в чужие гнёзда подбрасывает. Но тут вдруг все стихли и присмирели.

— Нашла чем хвастаться! — сказала Чомга. Та, что птенцов своих по воде на спине катает, как на лодочке. И все согласились с ней.

На этом споры и кончились.

В СТЕПИ

В СТЕПИ

Степь — как море! Ранней весной это море жёлтое, а как загустеют белые ковыли — станет степь серебристой. И потекут по серебристой равнине волны степного ветра и тёмные тени светлых облаков.

Заманчиво пройти по степи. Не пожалеет тот, кто туда отправится.

Днём и ночью происходят в степи необычайные события. От весны до весны встречаются удивительные животные. Зайчики, которые живут под землёй. Маленькие лисички, ростом с кошку, и огромные птицы, ростом с овцу. Домоседы-байбаки, всю жизнь сидящие у своей норы, и непоседливые сайгаки, всю жизнь переходящие с места на место.

В путь, в путь — сейчас всё увидим сами.

ЧТО ВАЖНЕЕ ВСЕГО

— Глаза! — свысока посмотрела Дрофа. — Важнее всего в степи глаза! Вовремя увиденный враг — уже половина врага.

— Ноги! — сердито топнул Заяц-русак. — Ноги нужнее всего. Ноги — хе-хе! — и от половины и от целого врага унесут!

На шум из норки выглянул Суслик. Посмотрел на Дрофу, повернулся к Зайцу, сел на пяточки и ввязался в спор.

— Глаза и ноги нужны, согласен. Но полный покой только в моей норе. Полёживаю себе, не утруждая ни глаз, ни ног.

— Что за охота день-деньской под землёй лежать! — снова рассердился Заяц-русак. — Темно, тесно, грязно.

— Верно! — свистнул Суслик. — То есть совсем не верно! Верно, что скучновато в норе. И тесновато. И рыть её — удовольствие небольшое. Но зато какая надёжность! Хоть глаза просмотри — лучшего не увидишь, хоть сбейся с ног — а лучшего не найдёшь. Чуть что — чур-чура! — я дома. А вы? Глаз проморгает, ноги вовремя не унесут — пропали. Останутся от вас пух да перья, ушки да ножки.

Но Дрофа всё равно хорохорится;

— Уж я-то не прогляжу!

И Заяц храбрится:

— Меня-то уж никто не догонит!

А того не знают, что зубастый Корсак — степная лисичка — за бугром притаился. К земле приник и шепчет себе под нос:

— Что мне ваши глаза, нора и ноги. Нос в степи главнее всего! Такой вот, как у меня. Его только по ветру держи, а он уж знает, куда ведёт. Вот на вас вывел — бери на выбор.

Кинулся Корсак из-за бугра — и остался с носом! Дрофа взлетела, Заяц умчался, Суслик в нору нырнул.

Порыскал Корсак, понюхал следы, поскрёб землю лапой — да и потрусил ни с чем.

А Заяц круг отмахал и снова к норе вернулся. А там уже Суслик ждёт.

— Видал?! — Заяц ему кричит. — Ты до трёх досчитать не успел, а меня и нет! Ноги в степи самое главное!

И Дрофа вернулась:

— Вот что такое глаза! Раз-два — увидела! И улетела.

Суслик бока почесал, догрыз одуванчик и говорит:

— Вот ты, Заяц, всё ноги свои расхваливаешь. А они ведь первые твои враги! След оставляют. Ты вот сидишь сейчас, похваляешься, а Корсак, может, по следу уже бежит, как по верёвочке. И прямо к тебе! И ты, Дрофа, на глаза не нарадуешься, а Корсак, может, снова за бугром спрятался. Принюхивается. И ждёт только, чтобы ты отвернулась. Нос его понадёжнее ваших ног и глаз. И был бы он в степи самым надёжным — если бы не нора! Так что копайте нору.

А Корсак и вправду уже

за бутром: нос его снова сюда привёл. Лежит, вынюхивает—с кого начать? С Дрофы остроглазой, с быстрогоного Зайца или с Суслика-землероя?

Не утерпел, взмахнул хвостом и кинулся на авось. И снова остался с носом! Но снова не унывает: нос вверх задрал и по ветру держит. Верит в свой нос.

С незапамятных времён тянется этот спор: что важнее в степи—нора, ноги или глаза? Каждый расхваливает своё и с другими не соглашается. А раз друг друга не переспорят, наверное, важно всё. Все правы, раз не могут без этого обойтись.

НА ЧУЖИХ КРЫЛЬЯХ

Не у всех семян есть крылья-летучки, не все могут по воздуху расселяться. У кого своих крыльев нет — тот на чужие надеется. Были бы закорючки.

Птичка-каменка на бурьян присядет — семена снизу в перья вцепляются. Жаворонок забежит в бурьян — семена на спину посыпятся. Сова от солнца в бурьян забьётся — семена её с ног до головы облепят. Вбурются, вцепятся, приклеются. И полетят на чужих крыльях на новые места — прорасть.

СКВОРЦЫ-МОЛОДЦЫ

Облюбовали скворцы нору в обрыве. Надёжное место: ни сверху, ни снизу не подобраться. И от дождя с ветром скворчата укрыты. Но вот беда—развелись в норе птичьи блохи!

Скворцы—птички опрятные. Любят купаться, чистить пёрышки.

Даже скворчата, когда подрастут, в гнезде не пачкают, а высовывают для этого из гнезда свои куцые хвостишки.

Блохи кусали скворчат! Скворчата бились в тесной норе, как рыбы в сачке. Один скворчонок даже вывалился из гнезда, и его сцапал степной хорёк.

Но вот на краю обрыва загустела голубоватая травка. Скворцы уже копошились в ней. Защемив травинку клювом, они сердито трясли головой и упирались ножками в землю. Скворцы выдирали траву!

С пучком травы в клюве скворцы залетали в нору и выстилали своё гнездо. И тут блохи начали выскакивать из гнезда. Да так, словно в гнезде пожар!

Скоро блох в гнезде не осталось. И скворчата успокоились.

Я сорвал листик голубоватой травы, размял в пальцах. В нос ударил такой резкий запах, что я чихнул. Полынь! Так вот чего испугались блохи—полыни. Полынь для них страшнее, чем дым для комаров.

Ай да скворцы-молодцы!

ДОГАДЛИВЫЙ ХОМЯК

Повезло хомяку — наткнулся на птичье гнездо. Лежат на земле два больших яйца. Забирай и пируй!

Только вот лапками яйцо не обхватишь — выскальзывает. И за щеку не затолкать — не помещается. А бросить жалко.

Возился хомяк, примеривался, пыхтел, сопел — не получается. Тогда упёрся лбом в яйцо — и покатил к себе в нору. Если дело не по зубам, не по лапам — головой работать надо!

ЗАДОМ НАПЕРЁД

Живёт в степи зверюшка, у которой всё не как у других, всё наоборот. Все по земле бегают, а она — под землёй. Все у травы вершки объедают, а она — корешки. И это ещё не всё!

Вот вы рот откроете — что окажется впереди? Конечно, губы, а за губами — зубы. Иначе и быть не может. А у этой зверюшки может! Зубы впереди, а за ними губы. Если даже рот у неё закрыт — зубы всё равно будут торчать вперёд. Так ей удобней, земля не попадает в рот, когда зверюшка роет её зубами. Зубы роют, а губы смыкаются позади выступающих зубов и закрывают рот.

У других зверьков ушки торчком стоят, а у этой их даже не видно: в тесных лазах стоячие уши только мешают.

Все в темноте стараются глаза пошире открыть, а эта в тёмной норе глаза совсем закрывает — хотя они у неё и без того чуть побольше макового зёрнышка. Широко откроешь — только землёй засыплешь.

Даже бегают эта зверюшка... задом наперёд!

Все вперёд головой бегут, глазами вперёд глядят, а эта, бывает, мчится вперёд... хвостом! Да ещё и глаза зажмурит.

Не всегда развернёшься в узкой норе, вот и приходится «включать» то передний, то задний ход.

Диковинная зверюшка! И имя у неё необычное — слепушонка.

РАЗГОВОРЫ В СТЕПИ

ЖАБА И ЖЕРЛЯНКА

— Смотрю на тебя, Жаба, и жить неохота! Будь я такая же безобразная—в первой канаве бы утопилась.

— Ты, Лягушка-жерлянка, лучше на себя посмотри. У меня хоть глаза красивые—изумрудные. А у тебя? Ничего красивого нет.

— А живот? Ты видела мой живот? Чёрно-бархатный с алыми разводами. С таким животом жить да радоваться!

УДОД И БАЙБАК

— Скажи, зверёк Байбак, что лучше всего?

— Поспать, птица Удад. Подремать всласть.

— Ну а ещё что, поважнее?

— А поважнее—поесть. Досыта.

— Ну а ещё важнее?

— Бока на солнце погреть. Чтоб аппетит нагулять, чтобы в сон клонило.

— Ну, а самое важное, самое главное? Лучше чего уж и быть не может?

— А для нас, байбаков, это и есть самое главное, самое важное. И ничего лучше этого нет!

БОГОМОЛ И ХОМЯК

— Ау, Хомяк, куда спешишь? Спотыкаешься даже...

— На работу, Богомол, на работу! Пшеница поспела, пора урожай убирать.

— А пшеничка-то вроде не твоя. И сеять её ты не помогал!

— Виноват, Богомол, не помогал. И теперь исправляю ошибку: сеять не помогал — убирать помогу.

СИЗОВОРОНКА И СТРЕПЕТ

— Эй, Стрепет, умеешь ли в воздухе кувыркаться?

— Чего не умею — того не могу.

— А я могу! А падать штопором ты умеешь?

— Чего не могу — того не умею, Сизоворонка.

— А я умею! И выходит, что крылья мои лучше твоих.

— А свистеть твои крылья умеют? А мои на взлёте свистят. И всех об опасности предупреждают. А это поважней, чем только кувыркаться и штопором падать!

ЖУРАВЛЬ-КРАСАВКА И САЙГАК

— Остановись, Сайгак, не видишь, какую воду пьёшь? Мутная-мутная!

— Уж такая, Красавка, мутная, что хуже и не бывает.

— Да ещё, наверное, и солёная?

— Уж такая, Красавка, солёная—прямо язык щиплет.

— Так что же за удовольствие такую воду пить?

— Да разве для удовольствия я эту воду пью? Пью уж какая есть, пока и эта не высохла...

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

БЕГАЮЩИЕ КУСТЫ

Зверь бежит, птица летит, лягушка прыгает — никто не удивляется. А если куст побежит — что тогда?

Бежал, скакал и летел по степи... куст!

Представьте: дерево бы захотело — и пошагало! Цветок вздумал — и полетел. Травинка развеселилась — и запрыгала! Невероятно! Но куст и в самом деле прыгал, бежал и скакал — да так, что и не догонишь!

(Отгадка)

Бежал настоящий куст: стебельки, ветки, листики. Только скручены в шар.

До поры до времени рос он на месте, как все другие кусты. Но когда семена созрели, корень у него перепрел, ветер сорвал куст и покатиł. Запрыгал куст на бугорках, полетел по воздуху. Мчится — и семена рассеивает, как сеялка. Вырастут из семян новые кустики, такие же удивительные — бегающие. Бегающие кустики знаменитого степного «перекати-поля».

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ?

Иду, а под ногой вдруг шорох. Эй, кто там возится под землёй? Землеройка?

— Не землеройка.

— Может, ты, крот, тогда?

— И не крот! Попробуй-ка, догадайся.

— Тогда назови приметы. Какие, к примеру, уши?

— Уши похожи на заячьи.

— А ноги?

— И ноги похожи на заячьи.

— А голова?

— И голова, и тело похожи на заячьи. И прыгаю, словно заяц. И травку заячьими зубами зубрю.

— Так, значит, ты заяц и есть! Да или нет?

— И да и нет. Заяц я и не заяц. Угадал ты и не угадал!

(Отгадка)

Да, заяц и не заяц! Не заяц потому, что тушканчик. А заяц потому, что его называют зайцем. Земляной заяц — самый большой из всех тушканчиков, ростом с зайчонка. А «земляной» потому, что живёт под землёй в норе и только по ночам выходит из неё пастись и бегать.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Много в степи удалых прыгунов, бегунов, землероев. А хитрецов и того больше. Собрались раз все вместе и расхвастались.

— Я, Суслик, пыль в глаза умею пускать! Увижу Лису, юркну в норку, она за мной, а я ей лапами пыль в глаза. Пока проморгается, прочихается — ищи-свищи!

— А я, утка Огарь, цветом — как апельсин! И птенцов под землёй вывожу. А видели вы когда-нибудь уток апельсинового цвета? А слышали, чтобы утки в норе утят выводили?

Зверьки и птицы слушали, слушали и сами хвастаться стали.

— Я, Щурка, кусачих ос не боюсь. Могу проглотить вместе с колючим жалом. И даже колик в животе не будет!

— А мы, розовые скворцы, можем справиться с целой стаей саранчи!

— А у меня, Корсака, в норе шестнадцать щенят! У кого ещё столько детей бывает?

— Подумаешь, удивила! Я, Хорь степной, и по восемнадцать детей выращивал.

— Но больше всех детей у меня, Серой Куропатки. Бывает, по две дюжины яичек в гнездо несу. Целое лукошко!

— А я, Зелёная Жаба, детей не дюжинами считаю, а сотнями! Дюжина сотен, тысяча двести головастиков! И ещё петь умею — как птица певчая. Меня за пение знатоки-любители даже в клетке держат. — И Жаба пропела очень приятно — как серебряный колокольчик. И в самом деле не хуже птицы.

— Петь, конечно, приятно. Но ещё приятнее танцевать!

Это сказал Журавль-красавка. И тут же пустился в пляс. Свесил широкие крылья и запрыгал на длинных ногах. Даже Дрофа удивилась: так танцевать она не умела. Она умела только пыжиться, как индюк, закидывать голову на спину и топтаться на месте.

При этом она становилась сама на себя не похожей — клубок всклокоченных перьев!

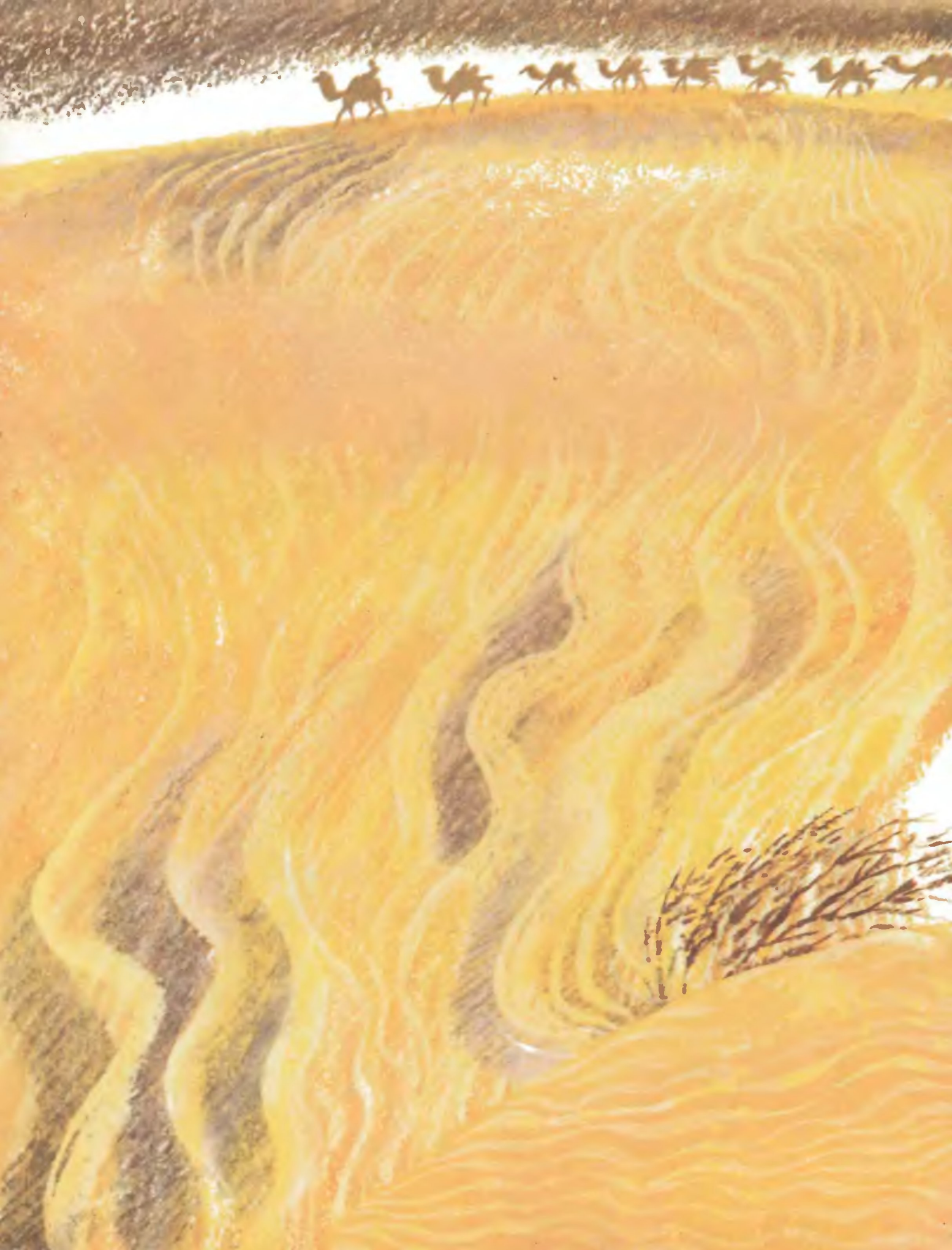
— Не умею я прыгать, как журавль! — бормотала она. — Но пусть он попробует распушиться, как я! Ничего у него не получится. Как поставлю все перья дыбом — вдвое голще стану.

Столько в степи ловкачей — что и не знаешь, кто лучше всех. Все хороши!

В ПЕСКАХ

В ПЕСКАХ

Пустыня—это жёлтое и голубое. Жёлтое—пески под ногами, вокруг, сколько видит глаз, и ещё дальше—за горизонтом. Голубое—небо. Оно в пустыне такое же неоглядное, как и пески.

Всё в пустыне непривычно и непонятно. Гряды золотистых песков—барханы. Белые болота, засыпанные солью,—солончаки. Рощицы кривых полузасохших деревьев—саксаульники. И такыры—глинистые лысины, гладкие и крепкие, как асфальт.

Ручьи и озёра там без воды—летом вода пересыхает. Деревья без тени—на них нет листьев. Ветры не освежают—они горячие, как огонь. Дожди высыхают, не успев долететь до земли. Даже хорошей погодой в пустыне называют не сухую и солнечную, а пасмурную и сырую! Только весной да осенью можно увидеть в пустыне зелёную травку.

Камни в пустыне почернели от солнца, глина потрескалась от жары. Кусты похожи на мотки колючей проволоки. Пусто в пустыне.

Но это только на первый взгляд. В пустыне много удивительных обитателей—птиц, зверей, ящериц и жуков. И удивительные происходят события.

ПЕСЧАНКИН ДОМ

Сидела у норки Песчанка и радовалась: до чего же хорошо на солнышке! Би-биб, би-биб! То один бок погреешь, то другой. То спиной вверх, то животом. И если бы не дела и заботы, так весь бы день с боку на бок и переворачивалась. Но дела, дела — траву подгрызать и носить к норке надо. А тут ещё все мешают! Думаете, Орёл в небе просто так кружит? Это он нас, песчанок, высматривает. Думаете, Кот барханный за кустом просто так сидит? Тоже нас подкарауливает. Но Орла и Кота я не очень боюсь, им, здоровенным, в нору ко мне не пролезть. Мне, главное, не проглядеть бы Варана! От него и в норе не спасёшься. Ой — би-би-б! — а он тут как тут! Подкрался злодей зубатый!

Кинулась Песчанка в нору — как сквозь землю провалилась. Варан за ней. Сунул щучью голову в нору и шипит сквозь частые зубы:

— Слышу, слышу — недалеко спряталась. А ну, выходи по-хорошему! Не ххочешшь? Тогда я к тебе сам приду!

Песчанкина нора — целый подземный лабиринт: ходы, тупики, отнорки. И везде кто-нибудь живёт. Продирается Варан по подземным ходам, а на пути — Жаба.

— Что это за чучело пучеглазое? — шипит Варан. — Ещё и пятнистое!

— Я не чучело, — отвечает Жаба, — я Зелёная Жаба, жиличка Песчанкина.

— А что ты тут, Зелёная Жаба, делаешь, а?

— Я тут ночую или, вернее, днюю. Я существо нежное, кожа у меня тонкая, мне днём под солнцем никак невозможно — засыхаю. Поэтому я днём сплю, а гуляю ночью. Утречком снова в нору. Я у Песчанки угол в норе занимаю. Самый сырой.

— А где же твоя хозяйка? — шипит Варан. — Пока-

жи мне её, я по ней соскучился...

— Не покажу, ни за что! Песчанка меня приютила, а я ей злом за добро? Не хочу неблагодарной быть!

— Тогда я тебя съем, прямо в твоём сыром и тёмном углу! — рассердился Варан. — Вот сейчас и съем!

— А я невкусная, несъедобная, — заурчала Жаба, — у тебя живот заболит.

Щёлкнул Варан зубами, отпихнул Жабу когтистой лапой и давай дальше продираться по лабиринту. На пути у него — Жук-скарабей. Варан посмотрел на него и спрашивает:

— Ты кто такой, навозник, что ли?

Жук-скарабей обиделся:

— Я — священный Жук-скарабей! В древние времена моими изображениями люди дворцы украшали.

Очень удивился Варан:

— Если ты такой знаменитый, так что же ты не во дворце живёшь, а в тёмной норе копошишься?

— Я-то? — растерялся Жук-скарабей. — Так у меня же, как вы справедливо заметили, ещё одно имя есть — Жук-навоз-

ник. Так вот я и того... Кое-что собираю здесь — есть-то надо...

Ухмыльнулся Варан.

— Вот и мне надо есть. А Песчанка удрала. Отвечай — куда она спряталась?

— Всё я тебе рассказал, — заскрипел Жук-навозник. — А этого не скажу. Я друзей не выдаю.

— Ты не скажешь — другие скажут, — зашипел Варан, — много вас тут в норе, приживальщиков. Эй, бабочки, Песчанку видели?

В норе Песчанки скрывались от жары и солнечного света ночные бабочки. Они сидели на стенке норы и поводили усиками.

— Мы ничего не видели. Мы ничего не слышали, мы ничего не знаем! — зашелестели бабочки. — Нас тронешь — поперхнёшься, подавишься, задохнёшься!

Варан и сам знал, что крылья у бабочек сухие, жёсткие и в пыли. Стал продираться дальше. Видит — в отнорке птичка Каменка притаилась. Спрашивает её ласково:

— А ты, Каменка-плясунья, что в норе делаешь? А? Уж не бабочек ли ловишь?

— Нет,—отвечает Каменка,—у меня тут гнездо в отнорке, а в гнезде яички лежат.

— Ага, проговорилась!—обрадовался Варан.—Где гнездо? Давно яиц не глотал, даже охрип маленько. Сейчас горло своё смягчу!

Перетрусил Каменка, стала Варана упрашивать:

— Я,—говорит,—всё сделаю для тебя, только гнездо не трогай.

— Ладно,—отвечает Варан,—не трону твоего гнезда, если ты мне Песчанку покажешь. А не покажешь—берегись!

— Покажу, покажу,—запищала Каменка.—Вон в том отнорке она. Поторопись!

— Вот как я ловко тебя запугал!—обрадовался Варан.—Теперь-то уж Песчанка моя!

И полез, шипя, в отнорок. А Каменка смотрит вслед и хихикает. Она-то знает, кто там, в отнорке, сидит. Нарочно Варана туда послала, чтобы Песчанку спасти.

Чует Варан, что кто-то сидит в отнорке, а кто—не видно. Только хотел спросить, а его самого спрашивают:

— Ты кто такой?

— Я?—удивился Варан.—Я гроза сусликов и песчанок. Я самая большая ящерица в пустыне! Шшшш!!!

— А я,—слышит в ответ,—Хорь-перевязка! Гроза песчанок, сусликов и варанов!

Испугался Варан, заговорил шёпотом:

— Отдай мне мою Песчанку—я и уйду.

А Перевязка ему отвечает:

— Нет тут ничего твоего! Тут всё моё! Я тут охочусь! А ты—моя добыча!

Сцепились Варан с Перевязкой—пыль по подземным ходам за клубилась. Притихли все вокруг, слушают—кто кого? И Песчанка слушает. Она давно из норы вылезла, наверху сидит.

— Страх берёт, как дерутся,—шепчет Песчанка.—

Может, и их, хищников, страх возьмёт, отвадят друг друга от моей норы? Эх, зажила бы я спокойно, в ладу со всеми своими жильцами. Хорошие они у меня, никто Варану не выдал.

Тут под землёй драка кончилась, разбежались Перевязка и Варан в разные стороны. Варан рядом с Песчанкой высунулся из-под земли.

— Эй, Песчанка, куда Перевязка удрала?

— Влево! — испугалась Песчанка.

— Тогда мне вправо! — фыркнул Варан и запыл по пескам.

Тут и Перевязка выскочила из норки:

— Ау, Песчанка, куда Варан побежал?

— Вон в ту сторону побежал! — опять испугалась Песчанка.

— Раз в ту, то мне в другую! — взвизгнула Перевязка и ускакала.

Песчанка посмотрела им вслед, успокоилась — да и за дело. Траву зубами косить, в зубах в нору носить.

ЧЕРЕПАХА

Странный след на песке — словно проехал игрушечный грузовик. Это проползла черепаха. Кончился её долгий зимний сон. Черепаха выползла из норы, в которой спала полгода, и отправилась искать свежую травку.

Вот бы удивились те, кто привык считать черепах медлительными, — черепаха почти бежала! Удивились бы и те, кто считает черепах неуклюжими, — черепаха ловко взбиралась на самые крутые склоны. Правда, однажды она сорвалась, скатилась вниз и перевернулась на спину. И тут бы удивились те, кто привык считать черепах неповоротливыми: черепаха вытянула шею, упёрлась головой в песок — раз! — и встала на ноги! И всё это было видно по её чётким следам.

А вот и сама черепаха. Бойко вышагивает по песку. На пути у неё ящерица — ушастая круглоголовка. Стоит на пяточках — горячо! — и хвостом обмахивается — жарко! Увидела черепаху — как разинет рот до ушей! И даже шире: в углах рта у неё раскрылись веером две красные складки, как уши. Рот с ушами!

Но черепаха даже в сторону не свернула. Знала, что круглоголовка только на вид страшная, а сама безобидная. И пугает она... со страху!

Заяц-песчаник встал столбиком — смотрит на черепаху.

Тонкопалый суслик перестал песок рыть и тоже на черепаху смотрит. Саксаульная сойка промчалась мимо. Но черепаха на них не посмотрела. Скорее найти траву: полгода ведь не пила, не ела!

Встретилась на пути
ящерица-агама. Надулась,
поднялась на кривых нож-
ках, на горле отвисла ко-
жа — как синяя борода.
И бока стали синими. Но и
это черепаху не испугало —
шагает себе напрямик!

Скорпиона не испуга-
лась, фалангу не испуга-
лась. Даже песчаного удав-
чика не заметила, хотя он
совсем рядом с нею про-
полз.

Но вот когда накрыла её
тень орла, черепаха быстро
спрятала в панцирь ноги и
голову — словно юркнула в
дом и дверь за собой за-
хлопнула!

Орёл рухнул сверху.
Скогтил черепаху, взлетел
и понёс её к далёкой скале,
где он всегда расправлялся
со своей добычей. Но тут к
нему бросился другой орёл
и стал отнимать поживу.
Орлы сцепились в воздухе,
хрипло крича, а черепаха
упала вниз — прямо в гу-
стую траву. В ту самую, ко-
торую так долго искала!

На память о приключе-
нии остались на панцире
длинные царапины — сле-
ды орлиных когтей.

РАЗГОВОРЫ В ПЕСКАХ

ВОРОБЕЙ САКСАУЛЬНЫЙ И ВОРОБЕЙ ПУСТЫННЫЙ

— До чего, сосед, я хитро устроился—взял и свил гнездо в узком дуплишке! Мне теперь даже барханный кот не страшен!

— А я, сосед, ещё хитрее придумал. Я своё гнездо под орлиным гнездом свил! Мне теперь не то, что барханный кот, мне теперь даже каракал—пустынная рысь нипочём. Орлы моё гнездо теперь охраняют!

СЫЧ И УДОД

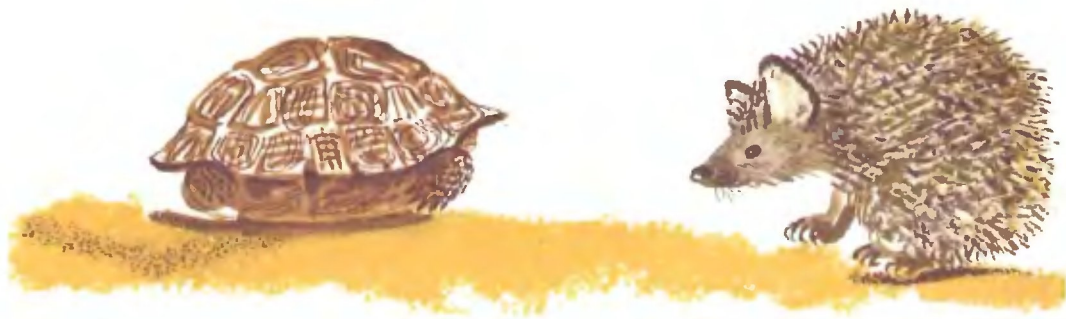
— Почему ты, Удод, без конца кричишь: «Худо-тут! Худо-тут!»

— А потому, Сыч, что тут хорошо!

— Вот и кричал бы тогда: «Хорошо-тут! Хорошо-тут!»

— Ишь ты какой! Чтобы другие удода услышали и меня с хорошего места прогнали? Ни за что! «Худо-тут! Худо-тут!»

ЁЖ И ЧЕРЕПАХА

— Эй, Черепаха, а вдруг тебя Лиса схватит, а?

— А я, Ёж, в свой костяной панцирь спрячусь и лапками вход захлопну. Лиса зубами пощёлкает и за тобой побежит.

— А я в колобок съёжусь и колючки выставлю. Лиса нос уколет, заплачет, да и уйдёт ни с чем.

ЗАЯЦ-ПЕСЧАНИК И МОХНОНОГИЙ ТУШКАНЧИК

— У тебя, Тушканчик, четыре лапы, а следы на песке только от двух. Ты куда две ноги подевал?

— А у тебя, Заяц, задние лапы на следах почему-то впереди передних. Может, ты хвостом вперёд бегаешь?

— Это у меня, Тушканчик, от скорости: так то-роплюсь, что задние ноги передние обгоняют!

— И у меня, Заяц, от скорости: на одних задних скачу, чтобы передние не задерживали!

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

ПРОПАВШАЯ РУБАХА

Живёт в песках ящерица — сцинковый геккон. Очень красивый геккон. Особенно хороша у геккона кожа-рубашка — вся в золотых и медных чешуях-пуговицах. И штаны хоть куда: чешуйки, как рюшечки и оборочки.

Но всему свой срок: выцвела рубашка, запачкались штаны, протёрлись рукавчики на локотках. Пора одежду менять.

Для геккона сменить костюм не задача. Надо укрыться в норку подальше от любопытных глаз, да и стянуть с себя лапками износившуюся кожицу-одежку. А под ней уже готова новая: чистая, в блестящих чешуях, с белыми рюшечками и оборочками на штанах.

Геккон так и сделал: спрятался в тёмную норку и начал переодеваться. И вот геккон во всём новом.

Старой рубашки в норе нет. А старая где рубашка?

(Отгадка)

Старую рубашку, понятно, геккону ни в штопку, ни в стирку не сдать. Но и выбросить жалко!

Как только стянет её геккон с себя, так берёт в

передние лапки, складывает в комочек, да и в рот! Съест целиком рубаху—ещё и оближется. Не пропадать же добру!

ГДЕ БЫ СПРЯТАТЬСЯ?

Ни густого деревца, ни зелёного кустика—один песок вокруг. Где же тут тень найти? Невозможно же в таком пекле жить, где от солнца укрыться? Как только обитатели песков не изжарятся?

(Отгадка)

Если бы обитатели песков не знали, куда от солнца прятаться, то многие бы и вправду изжарились заживо.

Песчанки, суслики, ночные бабочки, жуки прячутся в норы. Удавчики, сцинковые гекконы зарываются в глубь песка, во влажный слой. Мелкие птицы прячутся в норы, в колодцы, в тень камня. А орлы, бывает, кружат в тени высокого облака!

ЗАЧЕМ ТУШКАНЧИКУ ХВОСТ?

У тушканчика хвост вдвое длиннее тела: понятно, что он ему очень нужен. А зачем? Зачем тушканчику хвост?

У лошади хвост — мухобойка, у рыбы — весло, у дятла — подпорка. А у тушканчика? Мух ночью нет, плавать ему негде и по деревьям тушканчик, как дятел, не лазает. А хвост — длинней, чем у всех!

(Отгадка)

Сидит тушканчик на задних ножках, в передних держит веточку — обгладывает. А чтобы удобнее было сидеть — на хвост опирается. Хвост у него — ПОДПОРКА.

И ТОЛКАЧ — помогает при первом прыжке от песка оттолкнуться. А когда поскачет на двух ногах — а это труднее, чем прыгать на четырёх! — хвост помогает ему сохранять равновесие — хвост БАЛАНСИР. И это ещё не всё. На конце хвоста у тушканчика белая кисточка. Для друзей это УКАЗАТЕЛЬ — я тут, за мной! А для врагов — ОБМАНЩИК. Вильнёт на бегу белой кисточкой вправо, а сам прыгнет влево.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Ящерица-круглоголовка может в одну секунду в песок зарыться. Прижмётся к песку животом, задрожит, затрясётся и... «утонет»!

Пустынный козодой может пить... на лету! Пронесётся над самой лужей и подчерпнёт клювом воду.

Пустынная рысь каракал может сбить взлетевшую птицу лапой!

Черепаша может проспать в году восемь месяцев.

Тонкопалый суслик может учуять сквозь песок даже маленькую луковичку тюльпана. А как учует — раскопает и съест.

Песчаный удавчик умеет ползать под песком так же легко, как рыба плавать в воде.

Мохноногий тушканчик за пятнадцать минут может выкопать в песке нору длиной в полтора метра.

Жёлтый суслик может девять месяцев в году не пить и не есть.

Ушастый ёжик может съесть самую ядовитую змею, фалангу, скорпиона, ядовитого паука тарангула — и хоть бы что! Даже живот не заболит.

В ГОРАХ

В ГОРАХ

На горы, как и на море, можно смотреть без конца! Понизу — светлые, лиственные леса, похожие на курчавого зелёного барашка. Выше — леса тёмные, хвойные, словно вздыбленная щетина дикого зверя. Ещё выше — луга горные, над лугами — скалы. А выше лесов и лугов, выше скал и облаков, прямо в небе, висят вершины гор, укутанные сияющими снегами.

Всё в горах необычно. Облака и птицы, бывает, пролетают не над головой, а... глубоко под ногами. Когда внизу хлещет дождь — вверху ясное солнце. У подножия гор — лето жаркое и зелёное, а на вершинах — белая, ледяная зима. И от зимы до лета рукой подать!

В горах можно под радугу пройти, как под арку. Можно подняться так высоко, что до звёзд покажется ближе, чем до огоньков в долине.

Интересно в горах!

ЦЕЛЕБНАЯ ВАННА

Журчит у скалы родничок, вода в родничке не простая, а целебная.

Прилетел к родничку Кеклик—горная куропатка.

— Ко-ко-ко! — клохчет сердито. — Как ни прилечу — вода уже взбаламучена. Не вода, жижа! Такая не лечит, а уморит. Ка-ко-во?

— Бе-е-да-а! — проблеяла горная Коза. — И мне надо целебную воду пить — для укрепления копыт и рогов. А вода мутная, берег истоптан — что за свинство!

— Хряк, хряк! — вышел из кустов Кабан. — Кто тут меня вспоминает?

И, не дожидаясь ответа, плюх животом в родник. И давай ворочаться, с боку на бок переворачиваться. Вода ещё мутнее стала, из бережков выплёскивается.

А Кабан блаженствует.

— Мне, — хрюкает, — очень полезны эти ванны, весь я в царапинах и болячках, мне некогда ждать, пока вы тут чистой воды напьётесь. Кто первый влез — тот и прав. До чего ж хорошо — разморило. В сон так и клонит — хррррр, хррррр...

Коза и Кеклик в голос кричат:

— Не спи, не спи! Повалялся — и вылезай! Нам тоже лечиться надо.

А Кабан и ухом не шевельнёт, может, и в самом деле уснул.

— Ка-ко-во, ка-ко-во! — клохчет Кеклик. — Словами такого не прошибёшь!

— Бе-е-еда! — блеет Коза. — Не уговоришь, не испугаешь. Не боится он нас с тобой!

— А что, если Волком его пугнуть, а? Скажем, что Волк к роднику бежит. Ты заблеешь, а я завохчу, будто мы Волка увидели.

Кабан от криков Козы и Кеклика ухо насторожил, а сам ни с места:

— Напрасно кричите-стараетесь, Волк мне не страшен. Бивни-клыки мои видели?

— Скажем ему, что кукуруза в полях поспела,—шепчет Кеклик Козе.— Уж тут он не устоит, очень любит кукурузу! Эй, Кабан, спишь-лежишь, а в полях кукуруза спелая—сла-а-денькая!

Кабан приоткрыл косой хитрый глаз и отвечает:

— Кукурузные початки—это по мне. Вот в воде до вечера полежу и—на кукурузу.

— Прямо хоть плачь,—шепчут Коза и Кеклик,—даже кукурузой его не сдвинуть.

— Плачьте, плачьте,—сквозь сон похрюкивает Кабан,—хоть в три ручья!

— Чем же тебя сдвинуть с места?—спрашивает Коза. — Чем же тебя пронять?

— Ничем! — отвечает Кабан. — Я такой толстокожий, что всё от меня отскакивает!

— Последнее средство — Медведь, — шепчет Кеклик Козе. — Уж если и Медведя не испугается — придётся до ночи ждать. А вот он и сам — лёгок на помине!

Выкатился из кустов Медведь, толстой башкой поводит, принюхивается.

— Послышалось мне, будто пчёлы жужжат! — ворчит. — А это вы тут о чём-то шепчетесь!

— А вот о чём! — наперебой закричали Коза и Кеклик. — Кабан в родник не пускает! Залез и лежит!

— В целебный родник? — взъярился Медведь. — Да как он, грязнуля, посмел? Вот я его за ухо сейчас!

А Кабана уж и след простыл. В заросли убежал.

Коза и Кеклик издали на Медведя поглядывают, ждут, когда и он по своим медвежьим делам уйдёт.

Но Медведь не торопится. Воду понюхал, бережок лапой поскрёб, да и ухнул в воду. Глаза от блаженства закрыл и притих.

Коза и Кеклик молчат, терпеливо ждут. Позвали помощничка на свою голову! Ни выкупаться, ни попить.

А Медведь только поскуливает от удовольствия.

— Я, — ворчит, — до вечера пролежу. И завтра ещё приду!

За Козой и Кекликом очередь вытянулась. Горная ворона-клушица и горная альпийская галка, корольковый вьюрок и вьюрок снежный, че-

чевица большая и чечевица розовая, горная чечётка и горная овсянка, арчовый дубонос и даже пёстрый каменный дрозд. Все хотят целебной воды попить, целебную ванну принять и просто так поплескаться. Все думают, как бы этого Медведя прогнать? Да ничего придумать не могут: Медведь — он самый сильный в горах.

Но придумали! Разом притихли, переглянулись и разбежались, разлетелись — кто куда.

Вот тут-то Медведь и струхнул: не охотник ли приближается, раз все исчезли вдруг? Лучше уйти подобиру-поздорову — пока не поздно!

Вылез Медведь из тёплой ванны, встряхнулся — и в кусты.

А всем только того и надо! Кинулись к родничку: кто пьёт, кто купается. Кто сохнет уже, кто пёрышки чистит. Поторапливаются: как бы Кабан или Медведь не вернулись. Жди тогда до самого вечера!

Все в горах знают про целебные роднички. Все к ним торопятся: горлышко прополоскать, ножки прогреть, ссадины и царапины залечить. Торопятся, спешат — суета и крики у родничков. Но всё помаленьку улаживается, всё успокаивается — и все довольны!

ПОД СНЕГОМ

Хорошо летом в горах! На зелёных склонах цветы цветут, птицы поют.

Но вдруг из-за серых скал выползли синие тучи и спрятали солнце. И сразу закрылись цветы и умолкли птицы.

И всем стало не по себе.

Темно и страшно. Слышно, как надвигается что-то огромное — с шипением, свистом! И вот накатилось: смешалось всё, заревело, заухало — буря!

Втиснулся я под скалу. Ветер воет, сверкают молнии, грохочет гром и... сыплет снег! Снег в середине лета...

Пролетел буран, а вокруг всё белым-бело! И тихо, словно зимой.

Но только зима эта совсем особая.

Везде из-под града и снега видны цветы. Пучки зелёной травы распрямляются и сбрасывают снежинки. Лето пробивается из-под зимы.

И вижу вдруг — из-под снега птичья головка торчит!

Носиком крутит, моргает.

Горного конька засыпало!

Хотел я птичку схватить, сунуть за пазуху, отогреть, но вдруг понял всё и тихонечко отошёл...

Скоро тучи рассеялись и вновь запылало солнце.

Показались лесные ущелья. Снег и град стали быстро таять. Зажурчало вокруг, зашумело, засверкало. Мутные потоки хлынули вниз.

Тут горный конёк поднялся, стряхнул со спины градины и снежинки, поправил клювом мокрые пёрышки и шмыгнул в траву.

Так и есть! Там, где он сидел, — коньково гнездо, а в гнезде — пяток полуголых птенцов. Прижались друг к

дружке и закрыли глаза. Но живые — дышат, пушок на спине и на затылке шевелится. Вот почему не прятался конёк от бури, вот почему дал себя снегом засыпать — птенцов спасал!

РАЗГОВОРЫ В ГОРАХ

БАРС И ДИКОБРАЗ

— Эй, Дикобраз, пр-р-равду ли гово-р-р-рят, что у тебя на спине тридцать тысяч иголок? А-а?

— Обманывают, Барс, преувеличивают. Всего двадцать девять тысяч осталось.

— Куда же ты тысячу подевал — потер-р-рял, что ли?

— Не потерял, а подарил на долгую память. Лисице пяток — в носу носит, десяток Волку — на плечах торчат. Полдюжины Лесному Коту, две дюжины Рыси. Ну и другим, кто на меня нападал. У меня и на тебя иголок хватит — ещё и останется...

ЗАЯЦ И КОЗЕРОГ

— Хорошо тебе, Козерог, с такими рогами-рожищами! Никого, поди, в горах не боишься?

— Боюсь, Заяц, ой как боюсь! Ушки на макушке держу, как и ты!

— Лисицу, наверное, зубатую боишься? А?

— Э-э, что мне твоя Лисица — как наподдам копытом!

— Рысь, что ли, когтистую? А?

— Э-э, что мне Рысь — как поддену рогами!

— Так страшнее Лисы да Рыси и нет никого!

— А мухи, а слепни, а комары? Ни рогами, ни копытами не отбиться! Как услышу — бегу без оглядки на самую высокую гору, на снег и ветерок. Только тем и спасаюсь!

ОРЛЁНОК И ВОРОБЬЁНОК

— Ты чей, Орлёнок, чей, чей?

— Известно чей — сын орлов! Орлы у меня родители.

— А у меня — обыкновенные воробьи... Как я тебе, Орлёнок, завидую.

— И напрасно! Твои воробьи с утра до вечера кормят тебя, а мои орлы — только утром да вечером. Это я тебе, Воробьёнок, завидую.

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

ПОДЗЕМНАЯ УТКА

Высоко в горах живут каменные воробьи, снежные вьюрки, скальные поползни. Особые горные галки, горные овсянки, горные куропатки. И вдруг... обыкновенная утка!

Но повадка у неё необыкновенная. Утке положено на болоте плескаться, а эта на скале сидит, как горный орёл! Утке положено на пляжике лежать-нежиться, а эта со скалы слетела и... залезла в нору, как горный сурок! Что за подземная утка?

(Отгадка)

Утка эта хоть и не подземная, но трижды удивительная! Ну, во-первых, можно её, болотную, и в горах увидеть, на голых скалах. Во-вторых, утят выводит в старой сурчиной, а то и лисьей норе. Ну, и в-третьих, утка эта необычного цвета — оранжевая! За что её и называют красной уткой или огарью.

ВОЛОСАТОЕ ДЕРЕВО

Разные бывают деревья: толстые — тонкие, высокие — низкие, прямые — кривые. А в горах можно увидеть дерево... волосатое! Увидишь — глазам не веришь. А подойдёшь, пощупаешь — так и есть, мохнатое! Ствол снизу звериной шерстью оброс!

Стоишь и гладишь мохнатое дерево, как собаку. Мягонькое, пушистое...

(Отгадка)

Если спрятаться у такого мохнатого дерева, то можно тайну его разгадать. Спустится со скалы дикая коза, подойдёт к дереву и начнёт... тереться! Линяет она весной, шерсть зимняя клочьями — вот о кору и счёсывает. Одна коза почешется, вторая потрётся, третья поскребётся — дерево шерстью и обрастёт! Стоит волосатое дерево — всем на удивление.

КТО ЧТО УМЕЕТ

Кабарга — удивительный олешек без рог, но с... клыками! — легко взбирается на такую крутую скалу, на которую самым ловким и голодным волкам не забраться! Стоит и спокойно смотрит, как волки внизу беснуются. Но видит око, да зуб неймёт!

Снежный барс — с разбега перескакивает промоину в десять метров! От него не всякий горный козёл ускачет.

Сурок — мастер спать! Заляжет в нору с осени и спит без просыпа до весны. А то и до лета. И вся зима для него — одна ночь.

Горный гусь, пока на гнездо не сядет, закапывает яички в песок и пыль, — подальше от глаз лисиц и ворон.

Кеклик — горная куропатка — славится добротой. Если куропатку-соседку ястреб скогтит или лисица сцапает, она непременно заберёт к себе осиротевших цыплят. Бывает, водит за собой сразу две дюжины пуховичков!

Горные вороны **клушицы** любят кататься на... воздушных горках! У скал ветер часто бьёт фонтаном вверх — и клушицы, распластав крылья, возносятся под облака. А потом крылья складывают и несутся с воздушной горки вниз. И звонко кричат от радости!

Ягнятник не боится строить гнездо посредине зимы. В феврале уже самка лежит на кладке не вставая, а самец её кормит.

Книжке конец, но не конец происшествиям и событиям во льдах и песках, в лесах и горах. Там и сейчас играют, охотятся, прячутся, бегают и летают наши герои. Кто хоть раз видел их на разноцветной земле—тот снова захочет с ними встретиться, чтобы всё о них разузнать.

Велика твоя страна.

Не успеет солнце зайти на западе—как на востоке уже восходит. На севере ещё зима белая, а на юге уже лето красное. И жизни мало, чтобы всюду успеть побывать и всё увидеть. Мы только мельком и самым краешком глаза взглянули на этот простор. И это только начало, твой первый шаг. И всё ещё впереди.

